

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИФ ГЕНРИХА АСАФОВА

В Музее фресок Дионисия с 2011 года началась реализация выставочного проекта «Крестьянский миф», цель которого – выявление и репрезентация художников-живописцев, работающих с народной и этно-тематикой в современном искусстве. В рамках проекта прошла выставка Н.П. Викулова, а сейчас экспонируются работы заслуженного художника России Г.А. Асафова.

Среди вологодских художников Генрих Асафов – фигура яркая и заметная, но стоящая особняком. И дело не только в его творческой теме – землекрестьянской, редкой и странной для нашего времени, но и в том, каким языком он – автор, говорит

об этом. Стилистический язык искусства сегодняшнего Асафова нарочито прост и брутален; в его основе гармония активных цветовых пятен, скванных черной линией обводки – прием эффектный и проверенный временем. Недаром слишком уж явно напрашиваются параллели, неоднократно проводимые исследователями его творчества: Пикассо, Матисс, кубисты, представители русского авангарда начала XX века, народные картинки (лубок), примитивы¹. Вместе с тем список тех, на кого похож художник, слишком пестр и неравнозначен, а потому мало соотносим с подлинным языком живописи мастера, идущего в искусстве сво-

им путем. Этот путь напрямую связан с одной единственной диктующей художнику поиск адекватной пластической формы выражения.

На страницах изданий эта тема, как правило, формулируется так: «образ крестьянина, нашего счастья в труде, не стремящегося к мирским благам, живущего на своей земле...» и т.д. Здесь возникает парадокс: формулировка-то верная, но звучит как у идеологов соцреализма – фальшиво. Асафов же в плане идеи и лирики, скорее ближе к А.Г. Венецианову, чем к представителям этого направления.

Глубинные смыслы живописи художника, скрывающиеся за обманчивой простотой

трактовок, были части замес исследователями. Так, отдалась иконность созданных образов², что не без основания, связывалось, вероятно, с большими фигурами персонажей – центров композиций и низким горизонтом – аналогом условной границы поэма и фона в иконописи. Не ускользнула от внимания искусствоведов и основная тематика полотен – процесс крестьянского труда, приобретающий ритуалистические характеристики вселенского действия³.

Главное место в работах Асафова занимают люди. Но они особенные: всегда оптимистичные и бодрые. Героям не свойственны пороки, пагубные привычки и болезни, они совершенны и внутренне чисты. Крупные (до неба) фигуры органично существуют в солнечном пейзаже, где не бывает холода и дождя, но вечное лето. Повторяющийся как заклинание, более похожий на игру «в работу», нежели реальный, процесс труда – переходит из картины в картину. Двухфигурная композиция «Он и Она» перемещается из плоскости в плоскость, в одном и том же пейзаже, где доминантой низкого горизонта Кубенского озера встает крошечный остров с белеющей вертикалью колокольни Спаса Каменного. Становится очевидным, что образный язык художника – символический и сочетание в картинах различных знаковых вариаций дает ощущение некой истории, повествования, происходящего вне времени. Крестьянский мир Генриха Асафова символичен, светел и желанен, а это уже надмирные характеристики, имеющие отношение к мифологии и эпосу.

Исследуя природу рождения и существования мифа, известный русский философ

Лосев А. Ф. писал: «Он (миф) – не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически... необходимая категория сознания и бытия вообще»⁴. Мифическое сознание оперирует только с реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями. Для мифического сознания все явлено и чувственно-ощутимо, но его природе свойственна некая отрешенность от обыкновенной действительности и нечто высшее и глубокое в иерархическом ряду бытия⁵. Отсюда следует, что миф есть плод особого сознания, для которого рождаемые образы не сказка и вымысел, но высшая реальность. У Генриха Асафова в «Письмах к землякам» есть статья «Для меня коса, пила, топор и вилы так же дороги и важны, как кисть и мастерская», в ней читаем: «Формула Крестьянского мышления мне очень близка и дорога, ибо она зреет, как все самое живое на Земле, которая нам и Мать, и кормилица. Мне нравится мудрость Землянина, где отсутствие суеты и страсти к престижу дают возможность жить Крестьянину глубоко и по-настоящему красиво. Красота этой судьбы начинается с самого детства, с самых житейских потребностей: от скарба до самой Избы, где Королевой тепла и уюта встает Великая и Гениальная Русская Печь. Дерево избы питает природу Крестьянской души, сливает ее в единую красоту с самой Природой, мудрее и прекраснее которой нет ничего на Свете, чем и влечет меня земная картина Крестьянской жизни. Все мы Крестьянские дети, в природе труда и мышления Землянина таятся наши корни, отрыв от которых и приводит в область чванства и грубости, в область суеты

и невежества»⁶. Показательно, что в этом приведенном отрывке слова: Земля-Мать, Землянин, Крестьянин, Изба, Великая Русская Печь – следуют в порядке иерархии. По Асафову, все эти образы – часть Природы, она же часть Света. Есть еще одна сущность – Крестьянская душа – образ не зримый, но животворящий крестьянскую судьбу, мировоззрение и саму жизнь. Эти главные для художника слова написаны с большой буквы, что указывает на сакральную функцию этих предметов и понятий, их божественную сущность. В то же время они – органичная составляющая жизни и личности автора, о чем он и говорит в самом начале. «Мифическая действительность есть подлинная реальная действительность, не метафорическая, не иносказательная, но совершенно самостоятельная, доподлинная, которую нужно понимать так, как она есть, совершенно наивно и буквально», – пишет А. Ф. Лосев⁷.

Ольга Силина,
сотрудник музея

Продолжение следует.

¹ О творчестве художника писали: Воропанов В., Балашова И., Соснина Л., Дементьева Г., Аринин В., Асафов А., Колосов А., Андреева Г., Александрова Г., Авдюшина Н. и другие авторы.

² Соснина Л. Я – Земельянин. Генрих Асафов. Вологда, 2006, с. 21.

³ Балашова И. Сын кузнеца и кружевницы. Генрих Асафов. Вологда, 2006, с. 9.

⁴ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. http://philosophy.ru/library/losetf/dial_myth.html.

⁵ Там же.

⁶ Генрих Асафов. Статьи Г. А. Асафова. Письма к землякам. Для меня коса, пила, топор и вилы так же дороги и важны, как кисть и мастерская. Вологда, 2006, с. 49.

⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. http://philosophy.ru/library/losetf/dial_myth.html

слева:
Чайник.
До реставрации.

справа:
Чайник.
После реставрации.

Реставратор С. М. Смирнова.

Московского Кремля. Благодаря усилиям этих реставраторов открыт для посетителей интерьер церкви Иоанна Лествичника. Проведено укрепление иконостасной конструкции в церкви Владимира. Каждый день реставраторы следят за состоянием музейных предметов, занимаются проведением профилактических противоаварийных укреплений. На сегодняшний день около 60 памятников иконописи подготовлены к выдате на новую экспозицию. Вот имена этих реставраторов: Федышин Николай Николаевич,

Поляков Аркадий Рудольфович, Петухов Николай Владимирович, Рубцов Алексей Сергеевич.

Реставратор МНРХУ Анна Борисовна Валуева выполнила реставрацию семи икон из фондов музея. Все иконы будут использоваться при строительстве новых экспозиций в 2013 году.

Это очень краткий обзор реставрационных мероприятий, проводимых в музее, хотелось бы, чтобы реставраторы сами рассказали о своей полной тайне, в понимании простого человека, работе. Как можно вылечить «заболевший» предмет, про-

длить ему жизнь. Как увидеть под слоем потемневшей олифы красоту подлинной авторской живописи. И как изо дня в день выполнять главную и сложнейшую задачу – сохранять для будущего богатейшее культурное наследие России.

*Ольга Воронова,
зам. директора по хранению*

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИФ ГЕНРИХА АСАФОВА

Начало материала в выпуске № 2 за 2013 год.

Основу мифа составляют символы. По Лосеву – это «встреча двух планов бытия» – «идеи» и «вещи», их полное слияние. Для Асафова таким символом является остров Слас Каменный, связанный с детскими воспоминаниями художника. Мифологема перволохлы посреди вод – одна из самых распространенных в литературе и искусстве многих народов. Это изначальная земля, рожденная из моря и соотносимая с центром Вселенной. Мифологи отмечают связь идеи «центра» с представлением об источнике все-

общей жизни, некоем священном «эмбрионе Вселенной». Остров в водах – это своеобразный космос в космосе, так как, по представлению древних земля и мир возникли подобно зарождению ребенка в чреве матери. Чудесный остров находится где-то на краю света или даже в ином мире (Рай). В русской традиции – это остров Буян, место встречи земли и неба. Там пребывает не только загадочный камень Алатырь, но святые и силы небесные. Как и в Эдеме, на острове Буяне находится сакральный центр мира – мировое древо (дуб). Остров Генриха Асафова, доведенный

лаконизмом формы до знака – вертикаль/горизонталь, излюбленный этюдный мотив художника. Омываемый водами Кубенского озера, зачаровывающий и манящий, неповторимый в колористических решениях он сообщает сюжетам картин архетипические характеристики перво-события, перво-действия.

На протяжении многих лет художник пишет серию работ, где центральное место на холсте занимает образ коровы. Животное, украшенное лентами и цветами, сопровождают Он и Она. Это неспешное, праздничное шествие приобретает характер ритуально-

го, где животное выступает не просто домашним, но священным. По мнению ряда исследователей традиционных культур, модель мира у древних людей была зооморфной, т.е. мироздание представлялось в образах каких-либо животных. К примеру, в эпоху неолита, племена жившие на Енисее, обожествляли в образе коровы Великую Мать – прародительницу, породившую все сущее в мире, в том числе светила и людей. По всей вероятности, в Древней Руси был известен культ коровы, связанный с луной и женщиной. В ряде центральных губерний России корова также соотносилась с образом матери (ее любовно называли «Матушка»); после первого отела на рога ей надевали женский головной убор, а у замужних женщин, напротив, были распространены рогатые головные уборы.

«Образ ... в мифологии не нуждается ни в какой логической системе, ни в какой

науке, философии или вообще теории. Он – наглядно и непосредственно видим. Выражение дано тут в живых ликах и лицах; и надо только смотреть и видеть, чтобы понимать». Такими живыми образами в работах художника являются Он и Она. Подобные Адаму и Еве, воссоздающие, но уже своими руками, утраченный Рай, персонажи предстают то порознь, то вместе. Счастливая пара косит траву, носит на носилках сено, водит корову к быку, созерцает прекрасный пейзаж, катаясь на лодке. Жизнь их полная, правильная и праведная. Перед нами совершенное существование идеальных героев. Художник изображает их подобно неким божествам, доминирующим над всем остальным миром. Несложно узнать в фигуре крестьянина, портретные черты самого художника: статный, с окладистой курчавой бородой, классическим профилем он напоминает античного героя (недаром во время учебы в ин-

ституте он позировал одному дипломнику для скульптуры Спартака). Лосев А. Ф., вероятно, обозначил бы это явление отражения художника в персонаже как «некое активное самопревращение внутреннего во внешнее». В нашем же случае – не только внутреннего, но и внешнего во внешнее.

Это совмещение у Асафова Г. А. случилось, вероятно, не вдруг, и на подобный метаморфоз могли повлиять моменты, связанные с творческой судьбой мастера, которая не была простой. Возможно, созданный им идеальный образ крестьянина с большой буквы как духовный ориентир, помог выстоять художнику в трудных жизненных ситуациях и явился, по сути, спасательным кругом. Через это спасение произошло и духовное обогащение, принесшее и продолжающее приносить автору истинную радость. Примечательно следующее его высказывание: «Я однажды сказал своей

душе: «Вот что, милая, хва-тит нить и страдать о стра-стях славы и популярности, пойдем-ка, хорошая, пешком до мастерской и будем картиной докапываться до на-стоящей радости...» Она по-слушалась, и мы докопались до истинной сути труда». Упорядоченность и регуля-рность труда (как у Крестьяни-на), вероятно, так же сыграли роль: каждое утро, в ранний час, художник ходит пешком работать в свою мастерскую. С приходом весны он ходит на дачу за город, где продол-жает заниматься живописью и трудится на участке. Он пишет: «Только крестьянин в своей самодостаточности не признает «поводка», он любит труд на родной земле, исполнен мудрости бытия, укрепляет сознание истинно-го патриотизма, чем и убежда-ет меня быть верным его сти-хии жизни». Так, цикличность бытия и бескорыстный труд соединили художника с его же творением – Крестьянином-Земельянином, а проще – Земелей.

В мифологии важен не только созданный образ, но и слово, которым этот об-раз озвучивается. По Лосе-ву А. Ф. «Картина должна за-говорить подлинным живым языком, и ее кто-то должен услышать. История должна быть не просто «живописью», но и «поэзией». Она должна рождать не просто образы и картины фактов, но и сло-ва о фактах». Для художника таким словом и являются его картины, но в случае с Аса-фовым Г. А., находим буквально подтверждение мысли философа. С 2001 по 2006 год были изданы и объединены общей концепцией сборники стихов «Земляния», «Устья-ния» (от названия родного села Устье), «Крестьяния»

и «Избания», где художник со свойственной ему откры-тостью (как в колорите) и па-тетикой (как в сюжетах пол-отен) рассказывает о своем мировидении, чувствах, добре и зле. Кроме того, им написа-ны многочисленные статьи, названия которых говорят сами за себя: «Художник мож-ет вырасти только на земле, а не на асфальте», «Почему я считаю мужика высшей сте-пенью интеллигенции» и дру-гие. Асафов Г. А. предлагает поставить в Вологде памятник крестьянину и сделать музей. Он, даря галереи своих картин сельским школам и библиотекам, искренне верит, что искусство обладает преоб-ражающей силой и способно сделать человека добрее, чище, нравственнее. Но, как человек, живущий в сегодняшнем вре-мени, он констатирует: «Я пони-маю, что мир летит и мчит совсем к другому «озеру», да-леко не «Кубенскому», и пото-му никого не зову за собой...».

Таким образом, для созда-ния мифа требуется особый тип сознания и совершенно особенные личностные ха-рактеристики созидающего. В этом сознании формируется особый взгляд «... но не на ту или иную вещь, а взгляд во-обще на все бытие, на мир, на любую вещь, на Божество, на природу, на небо, на зем-лю, на свой, наконец, костюм, на еду, на мельчайший атом повседневной жизни...». Все это есть в мировоззрении и жизни Асафова Г. А. Самосоз-нание «... должно постоянно действительно выявляться. В нем должна быть перспективная глубинность. Слой личност-ного бытия лежит решительно на каждой вещи, ибо каждая вещь есть не что иное, как вы-вороченная наизнанку лич-ность, колеблющаяся между Перво-огнем и Перво-светом,

с одной стороны, и Тьмой Кро-мешной, с другой... Миф есть [] образ бытия личносно-лик личности». Свою мифоло-гию художник, прежде всего, проявляет в живописи, исполь-зуя знаково-символический язык образов. В живописи от-сутствует «темная сторона», чего не скажешь о его текстах, в которых акценты расставле-ны четко и жестко.

Продвигаясь от искусства художника к постижению его внутренней природы, мы по-дошли к началу, о котором мастер оставил следующие строки: «Я глубоко признателен сво-ей матери, что она не унесла с собой... маленькую тайну, поведала мне, уже взрослому, не слишком для нее понятному, что при всех моих недостатках я и родился-то прямо в избе... 19 апреля 1940 года в с. Чирко-ве. В самый ледоход. (Бабули... «парень доб, но умрет или бу-дет большим начальником...»). А я все думал, почему я так люблю ледоход, в который я не раз купался, а кататься на льдинах было высшим сча-стьем...».

«Миф есть слово о лич-ности, слово, принадлежа-щее личности, выражающее и выявляющее личность... Если личность есть дей-ствительно личность, она несводима ни на что другое, она – абсолютно самородна, оригинальна. Не было и не бу-дет никогда другой такой же точно личности. Это значит, что и специфическое слово ее также абсолютно ориги-нально, неповторимо, несрав-нимо ни с чем и несводимо ни на что. Оно есть собствен-ное слово личности и соб-ственное слово о личности. Оно есть имя». И это имя – Генрих Асафов.

Ольга Силина, сотрудник
Музея фресок Дионисия